

УДК 82.01.

**СПЕЦИФИКА ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ О.К. КОЖУХОВОЙ: К ВОПРОСУ
О СТАНОВЛЕНИИ АВТОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ДОННИК»)**

Кузнецова Д.Д.

ЧОУ ВО «Международный институт рынка», Самара, e-mail: lingvo@imi-samara.ru

Появление циклов прозаических миниатюр (стихотворений в прозе) связано с преобразованием нарративного, фабульного текста в цепь лирических эпизодов, имеющих характерное строение: описание события и сочетание с его последующей рефлексией. Подобное строение характерно для стихотворения в прозе в русской литературе. Одновременно с этим в повести формируется циклическое пространство: поэтику повести «Донник» отличает движение от исключительно временного способа развертывания смысла (фабула) к пространственному (относительная самостоятельность эпизодов). Завершенность, смысловая независимость эпизодов делает их рядоположенными, смежными друг другу (цикл), поэтому их отношения выстраиваются не только на основании хронологии, но и на основании со-противопоставления, ассоциативных соотношений, мотивных сцеплений. Таким образом, перед читателем не только выстраивается история жизни героя, но и возникает пространство внутренней его жизни, которая характеризуется настоящим моментом («здесь» и «сейчас»), включает в себе и воспоминания, и наблюдения, и текущие мысли, и суждения, которые формировались в течение всей жизни. Именно подобная проблематика характеризует автопсихологическое высказывание.

Ключевые слова: стихотворение в прозе, автопсихологическое высказывание, цикл, фабула, пространственная и временная форма организации произведения, О.К. Кожухова

**THE DISTINCTIVE FEATURES OF LYRICAL PROSE BY OLGA
KONSTANTINOVNA KOZHUKHOVA. REVISITING THE DEVELOPMENT
OF AUTOPSYCHOLOGICAL UTTERANCE IN WORKS OF THE AUTHOR
(BASED ON NOVEL «DONNIK»)**

Kuznetsova D.D.

International Market Institute, Samara, e-mail: lingvo@imi-samara.ru

The appearance of prose miniatures (prose poems) cycles is closely connected to conversion of narrative or fable into chain of lyrical episodes that have peculiar structure introduced as description of the event with subsequent reflection. This structure is typical for the prose poem in Russian literature. Simultaneously the cyclic space is being formed in the novel. The poetics of the novel «Donnik» is being determined with development from exceptionally temporary plot deployment method to the spatial one (relative independence of episodes). Juxtaposition is provided with completeness and semantic independence of episodes, adjacent to each other in the cycle, so their relations are not only chronologically based, but also rest on the basis of co-opposition, associative relations and motivated clutches. Thus, the reader not only observes the life story of a hero, but understands his private, internal reflections, which characterize the present moment («here» and «now»), and contains the memories and observations, and current thoughts and opinions which were formed over a lifetime. This very range of problems characterizes an autopsychological utterance.

Keywords: prose poems, autopsychological utterance, cycle, fable, spatial and temporal form of narrative, Olga Konstantinovna Kozhukhova

Творчество О.К. Кожуховой, принадлежащее к военной прозе и сейчас уже фактически забытое¹, интересно тем, что в нем четко прослеживается становление автопсихологического высказывания. Подобные высказывания давно являются предметом изучения в русской литературе [1; 2; 6; 7; 8; 12], а автопсихологическое начало можно встретить у Толстого, Достоевского, Герцена – в XIX веке, Астафьева, Солженицына, Довлатова – в XX веке). Столь разных писателей отличает активное вовлечение собственного жизненного опыта в про-

странство художественного произведения [4, 315–316]. Но автопсихологическое высказывание Кожуховой относится к другому типу – оно реализуется в циклах прозаических миниатюр [10], а потому входит в контекст, созданный циклами прозаических миниатюр М.М. Пришвина, В.П. Астафьева, А.И. Солженицына, В.С. Солоухина. Этот контекст, в свою очередь, восходит к тургеневской традиции «Senilia. Стихотворения в прозе».

Основная часть

Становление этого жанра – «стихотворений в прозе», или лирической прозаической миниатюры [5], – во многом связано с преобразованием повествовательной

¹ Ольга Константиновна Кожухова была участником Великой Отечественной войны, поэтому ее творчество закономерно посвящено осмыслению этого жизненного опыта.

организации произведения, что отражается не только в строении отдельной миниатюры [11], но и в выборе циклической формы произведения. При этом можно указать ряд произведений, в которых осуществляется «переход» от традиционного повествования к циклу стихотворений в прозе. К их числу относится и повесть «Донник» О.К. Кожуховой [9]. Эта повесть наглядно демонстрирует те «перестановки», происходящие в эпическом и потому фабульном произведении, которые приближают его к циклу стихотворений в прозе.

Преобразование, которое осуществляет в этой повести, связано с временным построением повествовательного произведения, которое разворачивает изображаемое через линейную последовательность событий произведения, образующих фабулу, «историю»². Художественный смысл в этом случае кумулируется от эпизода к эпизоду, и пропуск одного из них означает пропуск одного из этапов в формировании целостного художественного смысла произведения.

Связка Циклическая же организация основывается на рядоположенности, смежности самостоятельных произведений. Художественное единство произведения вследствие смежного, а не последовательного расположения частей цикла порождается симультантными отношениями. Отдельные стихотворения, рассказы, новеллы сосуществуют в едином контексте, при этом последнее стихотворение не имеет решающего преимущества перед предыдущим. Смысловый потенциал произведения при этом резко возрастает – отдельное произведение в цикле в буквальном смысле двусмысленно, оно передает свой собственный потенциал и вступает во множественные со-противопоставления, ассоциативные соотношения, мотивные сцепления, число которых не ограничено. Цикл является своего рода порождающим смысловым механизмом, при котором в отдельной текстовой единице встречаются множество кодов и интенций.

Таким образом, поэтику повести «Донник» отличает движение от исключительно временного способа развертывания смысла к пространственному. На первый взгляд в ней очевидно эпико-повествовательное начало: перед читателем развертывается *история* одной жизни, возникают картины детства, проведенного в степи, школьных лет и первого взросления в Воронеже, воз-

вращения домой после войны, других поездок к родителям, наконец смерти отца. События наполнены подробностями, деталями, которые убеждают читателя в существовании повествуемого эмпирического мира: мать – «добрая, веселая с какой-нибудь песенкой на устах, но с заплаканными глазами», отец из-за сильного загара кажется слепленным «из двух разных материалов, из белого и черного» [9, 5; 15]. Значимое место в рассказе героини занимают яркие воспоминания о том, как кукушонок выбрасывает птенцов малиновки из гнезда, о том, как конюх Роман Васильевич поит коней зимним утром. Необыкновенно точны и подробны описания степи – зимних вечеров и летних ночей, когда «заря с зарей встречается», осенней рыбалки на Кубани и летней ночи в Средней Азии.

Речь персонажей, которая вкраплена в рассказ главной героини, характерна, она схватывает особенности психологического склада человека. В обращении Романа Васильевича к коню: «Уж больно пужливый!.. <...> Ну-ка, ну-ка, подвинься! Ишь какой эгоист...» [9, 8] – видна и добродушная ласка к испугавшемуся коню, и забота о том, чтобы всем коням хватило воды перед долгим днем работы, а в неожиданном в сочетании деревенской «пужливости» с городским словечком «эгоист» звучит мягкая ирония. Так в нескольких фразах оказывается схвачен образ чуткого, наблюдательно-го и доброго конюха.

Перед читателем вырастает зримый вещный мир, но все же нельзя сказать, что повесть только об этом мире, что это «история» о судьбе человека. Упомянутый эпизод завершается характерно для этой повести:

«Я не знаю, что думает Мальчик [имя коня – Д.К.], глядя вдаль, на дымы, поднимающиеся столбами из труб, занесенных снегом домов, на леса, индевеющие на горизонте, на степь, чуть курящуюся серебряными хвостами поземки, но мне радостно видеть его стройную шею, красивую голову и крепкий, темнеющий по позвоночнику круп, словно в этом животном сама радость жизни, словно я нашла себе друга, хорошего друга, которого мне не заменит никто, даже самые лучшие, умные люди. Да и так рассудить: всему есть на земле свое время и место, и я теперь дружбу с людьми, может быть, понимаю значительно глубже и шире, чем если бы понимала ее, не оставив в степи ни Пегуши, ни Галки, ни Мальчика» [9, 9].

Перед читателем рефлексия – героиня насыщает воспоминание своей мыслью, вносит в него оценку и весь свой последующий опыт. Она поясняет для себя и для читателя, чем так важно это воспоминание,

² Под повествованием (нарративностью) понимается «определенная структура излагаемого материала. Тексты, называемые нарративными, <...> излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю» [13, 12–13].

почему оно сейчас возникло в памяти – что значили эти события для нее, как они сформировали ее отношение к окружающему миру и людям. Героиня не раз будет говорить о детском переживании слитности, единении с природным миром, но уже в другом ключе – поиск «ребяческой гармонии», «слиянности с окружающим миром» сменился обретением «гармонии зрелой, жесткой, ответственной мысли» [9, 45–46].

Значение подобной рефлексии для целостности повести трудно переоценить – она скрепляет эпизоды друг с другом и мотивирует переход от одного к другому, ведь они не связаны причинно-следственными отношениями. Так, на хронологический сюжет, естественный для воспоминаний, накладывается лирический сюжет – сюжет осмысления этой жизни, попытка «осветить тобой пройденный путь каким-то другим, живым ясным огнем» [9, 4]. И он постепенно становится ведущим – хронологические границы между событиями после окончания войны и перед смертью отца становятся неочевидными, как бы ступеньками, так последовательность событий уступает место их эмоциональному переживанию и осмыслению.

Существование двух сюжетов – фабульного и лирического – не механическое, нельзя говорить, что для начала повести больше характерно фабульное построение, а во второй половине – наоборот, доминирует рефлексия. Один сюжет наслаивается на другой, служит активным фоном для соседнего – вряд ли бы теплое чувство Родины, о котором говорит героиня, размышления о том, что настоящее «я» человека обнаруживается на войне, в тех нечеловеческих условиях, в которых оказались люди, в ощутимой близости смерти, мысли о ценности дома и близких людей для каждого человека, о семейных отношениях и многое другое были бы состоятельными вне событий самой жизни. Но и исключительно события этой жизни не являются предметом повести – «Донник» это не произведение о судьбе человека, события жизни героини не завершены в повести, «Донник» предстает как раздумья и попытка осмыслить ту часть своей жизни, которая завершилась со смертью близкого человека.

Повесть, таким образом, строится как цепь эпизодов, воспроизводящих линию жизни человека, но каждый из них завершается рефлексией. Зачастую рефлексия не только завершает эпизод, но и открывает его – как бы окружает, закольцовывает его. Это приводит к тому, что этот эпизод на фоне нежесткой связи с предыдущим и последующим элементом становится авто-

номным смысловым целым, обретает свой голос, независимое от других звучание. И по структуре такой эпизод чрезвычайно близок стихотворению в прозе, которое также состоит из небольшого нарративного компонента с его последующим развитием в размышление [11]. Таким образом, получается, что по мере движения повести ее эпизоды выстраиваются в две взаимодействующие линии – эпизоды располагаются в хронологическом порядке, но также, будучи автономными, могут свободно соотноситься друг с другом. Вторая линия реализует пространственные отношения – наблюдения, размышления постепенно кумулируются и формируют уже не *историю* жизни, а *пространство* внутренней жизни. Фабула повести, таким образом, реализует «физическое время субъекта», а рефлексия, которая а-нарративна по своей природе [11], утверждает настоящий момент времени – воплощает «психологическое время», то есть «внутреннюю работу сознания» человека [3, 6; 10].

Заключение

Таким образом, в повести постепенно формируется механизм существования будущих циклов стихотворений в прозе. С одной стороны, на содержательном, идейном уровне предметом осмысления в произведении становится автопсихологическое начало, автор осваивает свой жизненный опыт в другом, эстетическом пространстве, и в основе этого осмысления лежит рефлексия. С другой стороны, уже намечается путь использования заметок писателя, его повседневных записей (о текущих событиях, прочитанном, воспоминаниях, размышлениях о работе и т.п.), из которых, очевидно, выросла повесть, в качестве самостоятельных текстов, скрепленных лирическим пространством-циклом.

Список литературы

1. Аминова Т.А. Способы передачи лексических особенностей рассказов А.П. Чехова (с русского языка на немецкий) // Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: история, филология, философия, искусствоведение, культурология. Сборник трудов IV Международной дистанционной научно-практической конференции. под общ. ред. О.П. Чигишевой. – Ростов/н-Д.: Общество с ограниченной ответственностью Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество», 2013. – С. 5–13.
2. Артамонова Л.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского как социокультурный феномен (особенности функционирования художественно-публицистических идей: антропологический и историософский аспекты): дис. ...к.ф.н. – Самара, 2014. – 270 с.
3. Гарбузинская Ю.Р. Проблема пространственной формы в литературе (на материале О.Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Самара: СамГУ, 2007. – 15 с.

4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971. – 443 с.
5. Галанинская С.В. Способы ритмизации цикла И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» и основные способы развития жанра в русской литературе конца XIX – начала XX вв.: дис. ... кан. филол. наук. – М.: МГПУ, 2004. – 196 с.
6. Губанов С.А. Когнитивные механизмы образования эпитета в идиолекте М. Цветаевой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2012. – С. 45–49.
7. Губанов С.А. Эпитет и его функционирование в идиолекте М. Цветаевой // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2010. – С. 133–136.
8. Доброзракowa Г.А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков.: дис. ... д-ра фил. наук. – М., 2012. – 425 с.
9. Кожухова, О.К. Донник // Донник: повести. – М.: Советская Россия, 1982. – С. 4–54.
10. Кузнецова Д.Д. Цикл стихотворений в прозе как автopsихологическая форма // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». – 2010. – № 2 (8). – С. 171–185.
11. Тюпа В.И. Стихотворение в прозе в русской литературе. Становление жанрового инварианта // Поэтика русской литературы: Сборник статей. – М.: РГГУ, 2009. – С. 50–70.
12. Чайка К.С. Мемуарная проза Сидони-Габриэль Колетт: дис. ... канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 195 с.
13. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
4. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoy proze (The psychological prose). L.: Sovetskiy pisatel, 1971, 443 p.
5. Galaninskaya S.V. Sposoby ritmizatsii tsikla I.S. Turgeneva «Stikhotvoreniya v proze» i osnovnye sposoby razvitiya zhanra v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX vv. (Rhythmization Modes in Turgenev's «Prose poems» and the development path of genre in Russian Literature XIX-XX ages boundary), dis. ...kan. filol. nauk, M, MGPU, 2004. 196 p.
6. Gubanov S.A. Kognitivnye mekhanizmy obrazovaniya epiteta v idiolekte M. Tsvetaevoy (Cognitive Mechanism of Epithet Creation in the Tsvetaeva's Style), Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut, Surgutskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, 2012, pp. 45–49.
7. Gubanov S.A. Epitet i ego funktsionirovanie v idiostile M. Tsvetaevoy (Tsvetaeva's Epithet and his functioning), Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, Kemerovo, Kemerovskiy gosudarstvenny universitet, 2010, pp. 133–136.
8. Dobrozrakova G.A. Poetika S.D. Dovlatova v kontekste traditsiy russkoy literatury XIX–XX vekov (Dovlatov's Poetic Manner in the context of Russian Literature Tradition in XIX–XX ages), diss...d.f.n., M., 2012, 425 p.
9. Kozhuhova O.K. Donniki (Melilot), *Donnik: povesti (Melilot: tales)*. M, Sovetskaya Rossiya, 1982, pp. 4–54.
10. Kuznecova D.D. Tsikl stikhotvoreniy v proze kak avtopsikhologicheskaya forma (Prose Poem Cycle as an Autopsychological Form), Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Vypusk «Filosofiya. Filologiya», 2010, no. 2 (8), pp. 171–185.
11. Tyupa V.I. Stikhotvorenie v proze v russkoy literature. Stanovlenie zhanrovogo invarianta (Prose poem in Russian Literature. Development of Genre Loop Invariant), Poetika russkoy literatury: Sbornik statey (*Poetics of Russian Literature*), M, RGGU, 2009, pp. 50–70.
12. Chayka K.S. Memuarnaya proza Sidoni-Gabriel Kolett (Sidonie-Gabrielle Colette memoirs prose), diss...k.f.n.. Nizhniy Novgorod, 2002, 195 p.
13. Shmid V. Narratologiya (Narratology), M., Yazyki slavyanskoy kultury, 2003, 312 p.

References

1. Amineva T.A. Sposoby peredachi leksicheskikh osobennostey rasskazov A.P. Chekhova (s russkogo yazyka na nemetskiy) (Lexical Features of Chekhov's Tales and Their Translation into German), *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoy gumanitaristiki*, Sbornik trudov IV Mezhdunarodnoy distantsionnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Rostov-na-Donu, 2013, pp. 5–13.
2. Artamonova L.A. «Dnevnik pisatela» F.M. Dostoevskogo kak sotsiokulturny fenomen (osobnosti funktsionirovaniya hudozhestvenno-publitsicheskikh idey: antropologicheskii i istoriosofskiy aspekty) (Dostoevskiy's «Wrighting Journal» as a Cultural and Social phenomenon), diss...k.f.n., Samara, 2014, 270 p.
3. Garbuzinskaya Yu.R. Problema prostranstvennoy formy v literature (na materiale O.E. Mandelshtama) (The Problem of spatial form in literature (based on works O.E. Mandelshtam), avtoref.. dis. kand. fil. nauk, Samara, SamGU, 2007, 15 p.

Рецензенты:

Сложеникина Ю.В., д.фил.н., доцент, профессор, ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», г. Самара;

Вохрышева Е.В., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой английской филологии и современных технологий обучения иностранным языкам Самарского филиала, ФГОУ ВПО «Московский педагогический университет», г. Самара.

Работа поступила в редакцию 19.12.2014.